

Т.П. Буслакова

«Премудрый пескарь»¹ (1883)

Используя жанровую модификацию народной сказки о животных, писатель создал произведение, темой которого стал философский вопрос о смысле жизни. В хроникальном сюжете воспроизводятся события более чем столетнего существования центрального персонажа. Он «мелкая рыбешка» не только в переносном, но в прямом смысле. По типу создания антропоморфных сказочных образов изображается пескарь, который из рыб всех меньше, «куда ни обернется — везде ему мат».

Как и в сказке, аналогия с человеком возникает, когда у явлений природы появляются нравственные характеристики. Поскольку у пескаря «ума палата была», он в своих рассуждениях дает оценку и «большим рыбам», и раку, и водяной блохе, и самому человеку — «ехидному созданию», которые стремятся его «смертью погублять». Свои знания он получает от «умного» отца, сумевшего прожить свой век, не попав «ни в уху, ни к щуке в хайло». Усвоив его поучения, сын становится «пескарем просвещенным, умеренно-либеральным», стремящимся «так прожить, чтобы никто не заметил».

Выполнение цели пескаря (не «пропасть») оказывается возможным при строгом соблюдении нескольких правил: «первым делом» долбить такую нору, «чтоб ему забраться в нее было можно, а никому другому — не влезть!»; «вторым делом», выходить только ночью («когда люди, звери, птицы и рыбы спят — он будет моцион² делать»); наконец, добывать еду «около полден, когда вся рыба уж сыта», а если ничего не достанется, «так и голодный в норе заляжет».

Развитие сказочного сюжета состоит в изображении тех опасностей, которые подстерегали премудрого пескаря на жизненном пути. Однажды у него «целых полрыла из норы высунулось», когда он забыл об осторожности от восторга, увидев во сне, «что у него выигрышный билет и он на него двести тысяч выиграл». Другой раз полдня пришлось дрожать, видя, что «прямо против его норы стоит рак». В третий — целый день стерегла его щука. И так «почесть что каждый день». Но все опасности и искушения он преодолел («дрожа, победы и одоления одерживал»). Последним стала похвала («Даже щуки, под конец, и те стали его хвалить...»). Но и в ней он рассмотрел скрытую опасность («...они это нарочно говорили: думали, что он на похвалу-то отрекомендуется — вот, мол, я! тут его и хлоп!») и «своею мудростью козни врагов победил».

Позиция повествователя выявляется как в акцентации комических моментов в столетнем дрожании пескаря («Сколько прошло годов после ста лет — неизвестно...»), так и в передаче сокровенных мыслей персонажа, которые «ему словно кто шепнул». В его «премудром» уме рождается представление о том, что придуманный им образ жизни приведет к вырождению пескарьего рода. Но общественная жизнь («Необходимо, что пескари достаточное питание получали, чтоб не чуждались обществу, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались»), даже простое стремление завести пескарью семью, таят столько опасностей, что герой опять испугался.

Внутренний голос персонажа подхватывает рассказчик, дающий безжалостные оценки такого «бесполезного существования» («Жил — дрожал, и умирал — дрожал... только и всего... никому не нужный...»). В финале сказки пескарь просто исчезает («Что

¹ В оригинале — «пискарь».

² Моцион — прогулка (нем.).

тут случилось — шука ли его заглотала, рак ли клешней перешиб, или сам он своей смертью умер... свидетелей этому делу не было»). Развязка векового (гипербола) дрожания за «распостылую свою жизнь» вносит коррективы в трактовку художественной цели сказки. На первый план в ней выходит обличение тех, кто ради сохранения своего спокойствия прячется от жизни («Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни беславия...»), полагая при этом, что они «могут считаться достойными гражданами». Автор противопоставляет им того, кто видел в жизни много радостей, кто и утешил, и «добрый совет подал», и «доброе слово сказал», и «приютил, обогрел, защитил» другого. О таком обязательно вспомнят как о премудром в противоположность герою, которого обзывают «остолопом», «даже просто дураком и срамцом», «идолом». Смысл бытия, в авторском понимании, состоит в активном участии в делах людей. С этих позиций направляются сатирические стрелы в тех, кто «даром место занимают да корм едят».